

КЛЭР МАКИНТОШ

КЛЭР МАКИНТОШ

Я ТЕБЯ
ВИЖУ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
М15

Серия «Психологический триллер»

Clare Mackintosh

I SEE YOU

*First published in Great Britain in 2016 by Sphere,
an imprint of Little, Brown Book Group*

Перевод с английского М. Акимовой

Дизайн обложки В. Воронина

Печатается с разрешения Little, Brown Book Group,
London и агентства Nova Littera SIA.

Макинтош, Клэр

М15 Я тебя вижу : [роман] / Клэр Макинтош ; [перевод с английского М. Акимовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 480 с. — (Психологический триллер).

ISBN 978-5-17-162548-1

Сначала было просто маленькое невзрачное фото Зоуи Уокер и неизвестный номер телефона в разделе объявлений одной из лондонских газет.

Розыгрыш? Недоразумение? Глупая шутка? Так считают родные и близкие Зоуи.

Но ей самой не дает покоя ужасное подозрение: неужели кто-то следит за ней?

А на следующий день на том же месте появляется фото другой девушки. А потом еще одной...

И постепенно женщины, чьи фотографии оказывались в газете, одна за другой становятся жертвами жестоких нападений. Теперь Зоуи уже совершенно уверена: она — следующая в страшном списке загадочного преступника...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© Clare Mackintosh, 2016
© Перевод. М. Акимова, 2021
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2024

ISBN 978-5-17-162548-1

1

Мужчина позади меня стоит так близко, что его влажное дыхание касается моей шеи. Чуть отстранившись, я вжимаюсь в чье-то серое пальто, от которого пахнет мокрой псиной. Дожди, кажется, идут без передышки с самого начала ноября; над притиснутыми друг к другу разгоряченными телами поднимается легкий пар. В мое бедро упирается угол дипломата. Поезд с грохотом поворачивает. Зажатая толпой, я неохотно упираюсь ладонью в серое пальто. На «Тауэр-Хилл» вагон выплевывает дюжину пассажиров и заглатывает еще две дюжины одержимых желанием вернуться домой на выходные.

— Проходите в середину вагона! — призывает голос из динамика. Но никто не двигается с места.

Пассажир в сером пальто выходит, и я занимаю его место, откуда могу наконец дотянуться до поручня и не чувствовать дыхание незнакомца на шее. Мою сумочку увлекает назад, я выдергиваю ее и прижимаю к себе. Пара туристов из Японии с гигантскими рюкзаками на груди занимает куда больше места, чем положено этим двоим. Женщина напротив замечает, что я смотрю на них, ловит мой взгляд и морщится в знак солидарности. Я тут же опускаю глаза.

Мои ноги со всех сторон окружены самой

разной обувью. Мужскими ботинками, большими и блестящими, которые выглядывают из-под брюк в тонкую полоску. Яркими женскими сапогами на высоких каблуках и с невообразимо узкими носами. Я замечаю пару блестящих чулок: черный нейлон исчезает в белоснежных кроссовках. Владелицу разглядеть невозможно, но я представляю ее — двадцатилетнюю, с парой головокружительных туфель на шпильках, которые прячутся в объемистой сумке или в ящичке рабочего стола.

Сама я никогда не надевала шпильки днем. Только-только успела выбраться из шнурованных «кларков», как забеременела Джастином, а когда стоишь на кассе в супермаркете или уговариваешь малыша идти по улице, тут уж не до модельной обуви. Теперь я стала старше и умнее. Целый час добираться на шпильках до работы и обратно. Запинаться на сломанных эскалаторах. Уворачиваться от колясок и велосипедов. И ради чего? Ради восьми часов за столом? Лучше приберегу туфли для праздников и выходных. Для работы же я сама придумала себе униформу: черные брюки и множество эластичных топов, которые не нужно гладить, но при этом они выглядят достаточно элегантно, чтобы сойти за наряд для офиса. А в нижнем ящичке моего стола хранится кардиган на случай особенно загруженных дней, когда потенциальные клиенты без конца открывают дверь и впускают холод с улицы.

Поезд останавливается, и я выбираюсь на платформу. Дальше предстоит пересечь на надземку.

Она часто оказывается такой же перегруженной и все-таки нравится мне больше.

Под землей тревожно, там трудно дышать, хотя я и понимаю, что все это лишь в моей голове. Просто мечтаю работать рядом с домом и добираться до места пешком, но этого никогда не случится: приличную работу можно найти лишь в центре, а доступную ипотеку — только на окраине.

Поезда еще нужно дождаться, и в киоске рядом с билетным терминалом я покупаю экземпляр «Лондон Газетт».

Мрачные заголовки очень подходят для сегодняшней даты — 13 ноября, пятница. Полиция предотвратила очередной террористический акт: первые три полосы заполнены фотографиями взрывчатки, изъятой из квартиры на севере Лондона. Пролистывая снимки бородатых мужчин, я подхожу к заветной трещине в асфальте, прямо под указателем с надписью «Платформа». Именно здесь окажутся двери вагона, и прежде, чем он набьется до отказа, я успеваю проскользнуть на свое любимое место в самой глубине и прислониться к стеклянной перегородке. Вагон быстро заполняется. Я кидаю взгляд на стоящих людей, с виноватым облегчением отмечая, что среди них нет стариков или явно беременных женщин.

Хотя на мне балетки, ноги все-таки ноют: почти весь день пришлось простоять у картотечных шкафов. Я вовсе не обязана ими заниматься. Поддерживает порядок в картотеке и снимает копии совсем другая сотрудница, но она уже две недели на Майорке, а судя по тому, что я увидела сегодня, к документам не прикасались еще дольше. Жилая недвижимость оказалась перемешана

с коммерческой, а арендованная — с продающейся. И я совершила огромную ошибку, сказав об этом.

— Тогда разберись с этим, Зоуи, — ответил Грэхем.

И вот, вместо того чтобы договариваться о просмотрах, я стояла в открытом всем сквознякам холле у кабинета Грэхема и сожалела, что вообще открыла рот.

«Хэллоу и Рид» — неплохое место. Раньше я приходила сюда раз в неделю и занималась счетами, потом офис-менеджер ушла в декретный отпуск, и Грэхем попросил ее подменить. Я бухгалтер, а не секретарша, но деньги мне предложили приличные, к тому же в тот момент от меня ушли несколько клиентов, так что глупо было не ухватиться за такую возможность. И вот три года спустя я все еще здесь.

К станции «Канада Уотер» вагон заметно пустеет, и если кто-то продолжает стоять, то делает это по собственной воле. Мужчина на соседнем сиденье так широко расставляет ноги, что мне придется отодвинуться. Напротив я замечаю еще двоих в той же позе, что и мой сосед. Они нарочно так себя ведут? Может, это какая-то инстинктивная потребность выглядеть крупнее прочих? Женщина передо мной передвигает хозяйственную сумку, и я слышу звяканье бутылок. Надеюсь, Саймон догадается положить вино в холодильник: неделя выдалась длинная, и сейчас мне хочется только взять бокал, свернуться калачиком на диване и смотреть телевизор.

8 Несколько полос «Лондон Газетт» занимают жалобы какого-то из прежних фи-

налистов «X-Фактора», который сетует на «бремя славы», и дискуссия по поводу законов о неприкосновенности частной жизни. Я не особенно вчитываюсь, просто просматриваю фотографии и заголовки, чтобы не чувствовать себя совершенно оторванной от жизни. Не вспомню, когда в последний раз изучала газету полностью или смотрела новости от начала до конца. Так, урывками проглядываю «Скай Ньюс» за завтраком или выхватываю названия статей, заглядывая через чужое плечо по пути на работу.

Поезд останавливается между «Сиденхэм» и «Кристал Пэлас». Я слышу разочарованный вздох в дальнем конце вагона, но даже не смотрю в ту сторону. Уже стемнело, и в окне мне удастся разглядеть лишь отражение собственного лица, еще более бледного, чем в реальности, и искаженного струями дождя. Я снимаю очки и потираю следы от оправы на переносице. Сквозь треск динамиков прорывается объявление, но голос у машиниста настолько глухой, а акцент настолько сильный, что слов не разобрать. Он может говорить о чем угодно: от сбоя на линии до покойника на рельсах.

Надеюсь, дело не в покойнике. Я начинаю думать о бокале вина и о том, как Саймон будет массировать мне ступни, а затем становится стыдно, что собственный комфорт волнует меня больше, чем отчаянный поступок несчастного самоубийцы. Но, разумеется, нет там никакого тела. Покойники подходят для утра понедельника, а не для вечера пятницы, когда до работы еще два с половиной восхитительных дня.

Раздается скрип, а после наступает тишина. Похоже, задержка — в чем бы ни была ее причина — затянется.

— Дурной знак, — произносит мой сосед.

Я неопределенно хмыкаю в ответ и продолжаю листать газету. Однако спорт меня не интересует, а кроме него осталась только реклама и театральные обзоры. Такими темпами я вернусь домой не раньше семи. Значит, придется отменить цыпленка, которого планировала запечь, и ограничиться легким перекусом. По будням готовит Саймон, а я — вечером в пятницу и в выходные. Если бы я попросила, он бы взял на себя всю неделю, но я не могу такого позволить. Не могу допустить, чтобы Саймон готовил для нас — и для меня, и для моих детей — каждый вечер. Наверное, куплю что-нибудь навынос.

Деловой раздел я пропускаю, дальше идет кроссворд, но у меня нет с собой ручки, поэтому принимаюсь изучать объявления, думая найти работу для Кэти. Или для себя, если уж на то пошло, хотя и знаю, что никогда не покину «Хэллоу и Рид». Там хорошо платят, и я понимаю, чем занимаюсь. Если бы не босс, место вообще было бы идеальное. Клиенты по большей части приятные. Как правило, это стартаперы, которые подыскивают офисы, или преуспевающие бизнесмены, готовые расширить свои фирмы. Мы редко занимаемся жилыми помещениями, если не считать квартир над магазинами, что подходят и тем, кто впервые присматривает себе жилье, и попавшим под сокращение. До-

развелся. Если есть настроение, я даже говорю, что знаю, через что они проходят.

Женщины каждый раз спрашивают:

— И все обернулось к лучшему?

— Развод — самая замечательная вещь, которая со мной случалась, — уверенно отвечаю я. Именно это им хочется услышать.

Среди объявлений не оказывается ни одного предложения для начинающей актрисы девятнадцати лет, но я загибаю уголок страницы с вакансией офис-менеджера. Не помешает знать, какие есть перспективы. Секунду я представляю, как войду в кабинет Грэхема Хэллоу, вручу ему заявление об уходе и скажу, что не намерена терпеть, когда со мной обращаются будто с грязью под ногами. Но, взглянув на информацию о зарплате, напечатанную под вакансией офис-менеджера, я вспоминаю, сколько времени билась, пока не начала наконец зарабатывать деньги, на которые можно прожить. Из двух зол нужно выбирать меньшее, так ведь говорят?

Последние полосы «Газетт» — сплошь иски о возмещении ущерба и убытков. Я намеренно сторонюсь предложений ссуд и кредитов — при таких процентных ставках нужно или сойти с ума, или быть в отчаянии, чтобы согласиться, — и перехожу к рекламе «Разговоров для взрослых» внизу страницы.

«Замужняя дама ищет случайные тайные встречи. Чтобы получить фото, присылайте слово “АНГЕЛ” на номер 69998».

Я морщусь, но скорее из-за непомерной стоимости сообщения, чем из-за самой ус-

луги. Кто я такая, чтобы судить других? Уже собираюсь перевернуть страницу, готовая покорно читать о вчерашнем футбольном матче, когда замечаю объявление, размещенное сразу под «Ангелом».

На секунду мне кажется, что просто глаза устали. Старательно моргаю, но ничего не меняется.

Увиденное настолько поглощает меня, что я даже не замечаю, как поезд снова трогается. От внезапного рывка меня швыряет в сторону. Я машинально выставляю ладонь и касаюсь бедра соседа.

— Извините.

— Не волнуйтесь, все в порядке.

Он улыбается, и я заставляю себя ответить ему тем же. Но сердце продолжает бешено колотиться, и взгляд возвращается к объявлению. Как и во всех остальных, там есть предупреждение о том, что звонки платные. Сверху напечатан номер 0809. И адрес сайта www.findtheone.com¹. Однако я смотрю лишь на фото. Лицо крупным планом, но можно еще разглядеть светлые волосы и краешек бретельки черного топа. Эта женщина старше прочих, но снимок настолько зернистый, что трудно определить ее точный возраст.

Только вот я знаю, сколько ей лет. Уже сорок. А известно мне это потому, что женщина в объявлении — я сама.

¹ Find the one — найди ту самую (англ.). — Здесь и далее прим. пер.

Келли Свифт стояла в середине вагона поезда, мчавшегося по Центральной линии, и на поворотах для равновесия переступала с ноги на ногу. На «Бонд-стрит» в вагон ввалились двое ребят лет четырнадцати-пятнадцати. Они состязались в непристойностях, от которых коробило. Было слишком поздно для факультативов, а на улице уже стемнело, и Келли понадеялась, что мальчишки едут домой, а не на вечеринку. В их-то возрасте.

— Гребаная херня! — Подняв взгляд, парнишка заметил Келли, и его развязность уступила место смущению.

Келли напустила на себя тот строгий вид, какой частенько принимала ее мама. Ребята умолкли, отчаянно покраснели и, отвернувшись, принялись разглядывать двери вагона. А Келли с грустью подумала, что, наверное, в свои тридцать выглядит для них очень старой, даже в матери годится. Она попыталась вообразить рядом с собой четырнадцатилетнего подростка. Почти столько было детям некоторых из ее старых школьных приятелей — лента в соцсети пестрела фотографиями гордых семейств, да и сами дети пару раз присылали ей заявки на добавление в друзья. Прекрасный способ почувствовать себя старухой.

Келли поймала взгляд стоявшей напротив женщины в красном пальто, которая одобрительно кивнула, оценив произведенный на мальчишек эффект.

Келли ответила ей улыбкой.

— Удачный день?

— Стал лучше, как только закончился, — отозвалась женщина. — Впереди выходные, да?

— Я работаю. До вторника.

«И даже тогда будет всего один день на отдых, а потом еще шесть рабочих подряд», — подумала она и застонала про себя. Женщина выглядела ошеломленной. Келли пожала плечами.

— Кто-то ведь должен, правда?

— Наверное. — Поезд замедлил ход, подъезжая к «Оксфорд-Серкус», и женщина направилась к выходу. — Надеюсь, ваш день пройдет спокойно.

«Вот и сглазили», — подумала Келли и посмотрела на часы. До «Стратфорда» девять остановок: бросить вещи и назад. Дома в восемь. Может, в половине девятого. А обратно опять к семи утра. Она еще раз зевнула, даже не прикрыв ладонью рот. Интересно, дома есть еда?

Келли жила неподалеку от станции «Элефант-энд-Касл» вместе с тремя соседками, чьи полные имена знала лишь благодаря чекам за аренду, которые в конце месяца аккуратно появлялись на доске в холле. Ради лишних денег хозяин квартиры даже гостиную переделал в дополнительную спальню, так что единственной общей зоной оставалась крошечная кухня. Там помещались лишь два стула, но из-за смен и плавающих графиков соседок Келли могла за несколько дней ни с одной из них не повстречаться. В самой большой спальне жила Доун, медсестра. Она была моложе Келли, но гораздо домовитее и порой оставляла рядом с микроволновкой ужин для соседки и записку

14 «Угощайся!» на ярко-розовом стикере.

При мысли о еде у Келли заурчало в животе, она снова взглянула на часы. День выдался куда более напряженным, чем она планировала. На следующей неделе придется взять дополнительную смену, иначе со всеми делами никогда не разобратся.

На «Холборн» в вагон вошла группа бизнесменов. Келли окинула их тренированным взглядом. Поначалу мужчины казались одинаковыми: короткие стрижки, темные костюмы, дипломаты. «Дьявол кроется в деталях», — подумала Келли, отмечая едва заметные полоски на костюмах; название книги, небрежно засунутой в сумку; изогнутые очки в золотистой оправе, зажатые в ладони; кожаный ремешок часов под манжетой белой хлопковой рубашки. Своеобразные манеры и нервозность выделяли их в чередe почти одинаковых мужчин. Келли наблюдала за ними откровенно и бесстрастно. «Просто практикуюсь», — сказала она себе и не смутилась, когда один из бизнесменов встретился с ней взглядом. Келли думала, что мужчина отвернется, однако тот подмигнул, а губы его растянулись в самонадеянной улыбке. Келли скользнула взглядом по его левой руке. Женат. Белый, хорошо сложен, около шести футов ростом, на подбородке легкая тень щетины, которой, вероятно, несколько часов назад еще не было. На подкладке пальто желтой вспышкой мелькает забытая бирка химчистки. Стоит настолько прямо, что можно биться об заклад — в прошлом служил в армии. Внешность не слишком приметная, но Келли узнает его, если встретит снова.

Довольная результатом, она переключилась на новых пассажиров, которые хлы-